

Банах Л.С.

УДК 821.14'06-3.09

ТОЛЕРАНТНЫЙ ПОДХОД К ТЕМЕ ГРЕКО-ТУРЕЦКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В НОВЕЙШЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В истории Греции, начиная с середины XV века, одним из наиболее острых вопросов были взаимоотношения с Турцией, что нашло отражение в литературном творчестве, как народном, так и авторском. Греческие историки отмечают, что в сознании греков-обывателей сложился «миф» о восприятии турка как «кровожадного убийцы, злодея, угнетателя» [7]. Однако в произведениях греческой литературы, являющейся частью греческой исторической действительности, представлен объективный взгляд на проблему греко-турецких взаимоотношений посредством переосмысления образа «турка», что позволяет говорить о формировании более толерантного подхода к проблеме сосуществования двух народов разных вероисповеданий, к той проблеме, которая является актуальной для многих регионов нашей планеты. Целью данной статьи стало рассмотрение нового видения дихотомии «грек-турок» в романах греческих писателей второй половины XX века. Для реализации поставленной цели ставятся следующие задачи: 1) проследить греческую фольклорную традицию отражения толерантных отношений между греками и турками; 2) раскрыть проблему двойственной идентичности центральных персонажей романов Реи Галанаки «Жизнь Измаила Ферика паши» (1989) и Маро Дука «Невинные и виновные» (2004); 3) определить сущность нового видения образа «турка» в греческой прозе.

Среди греческих народных песен, большинство из которых описывают жестокие столкновения между греками и турками («Το ανακάλημα της Κωνσταντινούπολης» («Плач по погибшим в Константинополе»), «Αγία Σοφία» («Святая София»)) встречаются песни, повествующие о смешанных браках или о любви молодых людей разных вероисповеданий. Так, например, в народной фракийской песне сообщается: «Η Σούσα ήταν όμορφη/ της Χώρας το καμάρι/ κι αγάλα τον Σεριφ-Μπέη/το τουρκοπαλληκάρη», «..αδελφός της Σούσας μαθαίνει τον έρωτά της για τον Τούρκο, τη σφάζει σαν το αρνί...» («Суса была красавица...гордость всей деревни, но влюбилась Суса в Сериф-бея, юношу турка», «узнав о любви сестры к турку, брат Сусы ее зарезал, как барашка» [3, 47]). В акритской песне XVI века (понтийская версия) «Ο αιχμάλωτος» («Пленник») рассказывается о том, что греческий ребенок, рожденный в плену, воспитывается иноверцем сарацином Эмиром Али, а затем отпускается на родину. Сарацины (греч. Σαρακηνός – «восточные люди») – народ, упоминаемый древнеримским историком IV века Аммианом Марцеллином и греческим ученым I - II вв. н.э. Птоломеем по отношению к кочующему разбойничьему племени бедуинов, живших вдоль границ Сирии. Со времени крестовых походов европейские авторы стали называть сарацинами всех мусульман (арабов, турок и др.). В песне подчеркивается хорошее отношение мусульманина к ребенку христианину: «Εμέν απός πεσλέεβεν (έτρεφε) με το μέλ', με το γάλα, με το μέλι, με το γάλα και με τη αρνί το κρέας. Στα φανερά ταντάνιζεν...» («Меня растил он, и кормил медом, молоком и мясом ягненка. При всех на колени меня он брал...» [9, 35]. Возмущав, пленник бежал в Ромею (Грецию), где нашел отца Андроника и брата Константина, вместе с которыми отправился сражаться с войсками, которыми управлял Эмир Али. При встрече на поле боя «пленник» принимает решение не убивать своего благодетеля-сарацина: «Οπίς', οπίς' Εμίρ Αλή, οπίς' κι εσέν μη κρούγω./ Τ'ομμάτια μ'εθαμπούρωσαν και το σπαθί μ'έχ' άφρα. /Αν κρούγω και σκοτώνω σε, θα λέγετ' εν φονέας./κι κρούγω, `κι σκοτώνω σε, θα λέγνε εφοβέθεν. / Καλλίον `κι σκοτώσω σε, κι εσ λέγνε εφοβέθεν» [9, 37] («Назад, Эмир Али, назад, чтоб не ударил я тебя./

В глазах вдруг помутнело, держу как дым я саблю. / Если ударю и убью, то стану я убийцей, / а если не решусь, то трусом прослышу. / Нет, лучше не убью, пусть прослышу я трусом») (перевод мой.- Л.Б.).

Исследователь-фольклорист Константинос Демердзис отмечает, что в народных сказках области Ионии в качестве отрицательного персонажа никогда не упоминается Турок, возможно, потому, что в действительности не было повода для чего-то подобного. Если бы повод был, это нашло бы непременно отражение в народных сказках, поскольку с их помощью простой народ воплощает свои страхи, выражает свои надежды и желания [4, 56]. Однако в романе Дидо Сотириу «Οι νεκροί περσιμένουν» («Мертвые ждут», 1959) женщина из города Аидини (греческое население города было практически уничтожено турками во время катастрофы в Малой Азии) рассказывает детям сказки, в которых Турок представлен как жестокий угнетатель, убийца.

В греческой авторской литературе первым писателем, который с явной симпатией относился к своему центральному персонажу – турку, был Йоргос Визинос (1849-1896). В повести Визиноса «Ποίος ήταν ο φονεύς του αδελφού μου» («Кто был убийцей моего брата», 1883) турок, убив по причине рокового случая брата повествователя, душевно страдает, и, желая искупить свое преступление, становится рабом у матери убитого. В рассказе «Μοσκόβ Σελήμ» («Москов Селим», 1895), признанном шедевром творчества писателя, повествуется о жизни Селима, благородного турка, солдата, который встречает гуманное и добродушное отношение к себе в плену у русских. За любовь к русским родные и соотечественники считают его сумасшедшим и дают ему кличку «Москов».

В раскрытии проблемы личности, находящейся на маргине между греческой и турецкой культурами, пытающейся национально и религиозно идентифицироваться, век спустя идею произведений Йоргоса Визиноса продолжает Рея Галанаки. Она пишет роман «Ο βίος του Ισμαήλ Φερικ πασά» («Жизнь Измаила Ферика паши», 1989) [2], где речь идет об историческом, трагическом персонаже, который оказывается в ситуации культурной маргинальности (пленный грек, воспитанный мусульманами, исламизированный,

ставший главнокомандующим египетской армией). Исмаил Ферик объединил в себе роли завоевателя и завоеванного. В 1866 году на Крите (откуда сам Ферик был родом) вспыхнуло восстание, вдохновителем которого стал родной брат Исмаила, однако Ферик паша, как министр обороны, вынужден был отправиться во главе египетского войска подавлять восстание. В разгаре сражения он дал своим войскам приказ об отступлении, пытаясь спасти хоть какую-то часть греков. Этот приказ, по одной из версий о смерти Ферика, был расценен как предательство и стоил ему жизни. Роман Реи Галанаки заставляет читателя задуматься над вопросом: «И кто же мы: греки или турки? К чему все эти кровопролития, если наши дети общие?» Возможно, впервые в греческой литературе ставится вопрос о том, что в наследие Греции включается и ее история в качестве провинции османской империи.

На проблемно-тематическом уровне роман Реи Галанаки имеет много общего как с народной песней «Пленник» (добродушное отношение к пленному ребенку, архетип противостояния двух братьев, проблема выбора между чувством благодарности и долгом перед родиной), так и с рассказом «Москов Селим» (тяжелый процесс самопознания личности, зыбкие грани «национального», сравнение «своих» и «чужих», в основе сюжета внутренний психологический конфликт центральных персонажей).

Сложность и разнообразие в греко-турецких отношениях находят подтверждение в произведениях литературы, где образ «бесчеловечного и дикого» Турка сосуществует с образом Турка, друга и брата. Свидетельства этому находим в романах Илиаса Венезиса «То νοῦμερο 31328» («Номер 31328», 1931), Дидо Сотирину (Ματωμένα χώματα) («Земли, обогранные кровью», 1962), «Μέσα στις φλόγες» («Среди языков пламени», 1978), посвященных Малоазиатской катастрофе и судьбам греков, прошедших через «рабочие батальоны» (Τάγματα Εργασίας). В романе Марии Йорданиду «Λωξάντρα» («Локсандра», 1963) описывается двойственное отношение героини-гречанки к туркам: «Турки для Локсандры были понятием очень запутанным. Турки были бичом человечества, стихийным бедствием, чем-то вроде холеры, землетрясения, молнии. Но что общего было у этих понятий с Али или с торговцем яйцами Мустафой, который, когда доставал из ногтя ногтеоду, просил у нее святую воду из Балукли» («...οι Τούρκοι για τη Λωξάντρα ήταν μια έννοια πολύ μπερδεμένη. Οι Τούρκοι ήτανε μια μάστιγα της ανθρωπότητας, μια θεομηνία. Σαν να λέγαμε χολέρα, σεισμός, κεραυνός. Τι σχέση είχανε όμως αυτά τα πράγματα με τον Αλή ή με τον αυγουλά της το Μουσταφά, που όταν έβγαζε στο νύχι του καλακάθι ερχότανε και της γύρευε αγίασμα απ' το Μπαλουκλί» [8, 46].

Позитивное и сочувственное отношение к образу турка встречаем в романе Маро Дука «Αθώοι και φταίχτες» («Невинные и виновные», 2004), где писательница выбирает необычный способ организации материала, через восприятие «Другого», роль которого отведена Арифу Каурису, потомку мусульман-критян, переехавших в Турцию после присоединения Крита к Греции. Причастность Арифа к иному культурному коду, диктующему соответствующие мировоззренческие, ценностные и поведенческие нормы, обуславливает его чужеродность в обществе греков. Выбор представителя мусульманского вероисповедания в качестве основного повествователя, через восприятие которого изображается прошлое и настоящее города г. Ханья, позволяет писательнице заострить проблему «конфликтизации культур» [1, 3], происходящей из неизбежного противопоставления двух обществ: греческого и турецкого. Как отмечает Эдвард Саид в своей книге «Ориентализм»: «...развитие и поддержание любой культуры требует существования отличающегося и конкурирующего alter-ego.... Каждая эпоха и каждое общество воссоздает своих «Других» [1, 14]. Именно на место «Другого» и попыталась встать Маро Дука для увеличения объективизации повествования: «Сначала мне надо было встать на место другого, который родился и вырос в этом городе и кого стечения обстоятельств истории вынудили покинуть родные места» («Θα έπρεπε πρώτα να μπω στη θέση ενός άλλου, που γεννήθηκε και μεγάλωσε σ'αυτήν την πόλη και που οι ιστορικές συγκυρίες τον ξερίζωσαν [5, 180]»). Ариф, стремится избавиться от внешней религиозности, приведшей его семью к трагедии, и найти путь к примирению. Для этого ему, прежде всего, необходимо преодолеть миф о коллективном восприятии «Другого» в современном греческом обществе. Для Арифа этим «Другим» является он сам, его отец и дед, тетя Айше, поэтому ему приходится менять сложившиеся стереотипы личным примером, обращаться к историческим фактам, к свидетельствам очевидцев, архивным документам.

Личные характеристики Арифа идут в разрез с коллективным восприятием турка в современном греческом обществе. Ариф (на турецком означает «мудрый») получил европейское образование («Хоть и турок, выпускник Кембриджа» («αν και Τούρκος, αλόφοτος κολεγίου του Κέμπριτζ [6, 375]»)), защитил диссертацию по творчеству греческого поэта Йоргоса Сефериса (выбор именно этого поэта позволяет сопоставить равноценность трагедий семьи Сефериадисов, пережившей малоазиатскую катастрофу, вынужденной покинуть турецкие земли, и семьи Каурдзаде, не по собственной воле оставившей свой дом на Крите). Арифа оскорбляет остро негативное отношение к туркам, и он стремится рассеять создавшиеся предубеждения: «Василий, думай, что хочешь, о турках и Турции. У меня нет никакого намерения касаться твоих мифов» («Βασίλη, πίστευε ό,τι θέλεις για τον Τούρκο και για την Τουρκία. Δεν έχω καμία πρόθεση να πειράξω τους μύθους σου [6, 430]»). Чтобы развенчать миф-стереотип о турке как о жестоком, необразованном шовинисте ему приходится искать подтверждений в истории, культуре, в документальных фактах, опираясь на идеи веротерпимости своего деда: «он никогда не позволял фанатизму ослеплять себя, никогда не делал различий между христианином и мусульманином» («ποτέ δεν είχε αφήσει τον φανατισμό να τον τυφλώσει, ποτέ του δεν ξεχώρισε τον χριστιανό από τον μουσουλμάνο [6, 171-172]»), исповедуя принцип религиозного равноправия («Они говорят о правах христиан, а турок? Разве он не человек? У него нет прав?» («...μιλούν για του χριστιανού τα δικαιώματα, και ο Τούρκος; Δεν είναι άνθρωπος αυτός; Δεν έχει δικαιώματα; [6, 100]»)), и доброго отношения к ближнему: «Хорошие и плохие дела – это не одно и то же. Ответ на зло добром, и тот, кто был врагом твоим, станет тебе любимейшим другом» («Οι καλές και οι

κακές πράξεις δεν είναι το ίδιο. Ανταπόδωσε το κακό με το καλό, και αυτός που είναι εχθρός σου θα γίνει ο πιο αγαπημένος σου φίλος [6, 376]»). Чтобы понять первопричину возникновения мифа-стереотипа Арифу необходимо изучить историю взаимоотношений греков и турок, отразившуюся на судьбе его семьи, и обрести возможность отделить «миф о Другом», созданный предубеждениями, страхами, ложью, от реальности. Ариф лучше понял события прошлого, внимательно прочитав дневниковые записи своего деда и отца, переписав их по-гречески, детально изучив город Ханья, который вынуждена была покинуть его семья, изложив в форме дневника-письма свои мысли и ощущения от всего происходящего в современном ему городе. Ариф помогает своим родственникам-христианам (Панарису, Элеоноре, Виргинии, а в их лице и всем православным грекам) взглянуть на проблему взаимоотношений между греческим и турецким народами как на общую трагедию, повторения которой нельзя допустить.

Таким образом, в народном творчестве воплощено двойственное в□дение проблемы греко-турецких отношений: вражда и боязнь сосуществуют параллельно с симпатией, дружбой и благодарностью. Новейшие прозаики Греции приходят к видению образа «турка» («Другого») как равного «греку» («Своему»), как одинаково страдавшего от идеологии и политики двух государств, как того, с кем часто роднят кровные узы, и того, с кем можно и нужно искать взаимопонимания.

Источники и литература:

1. Сотов А. А. «Ориентализм»: постколониальная критика Эдварда Саида / А. А. Сотов. – СПб. : Центр изучения современного Ближнего Востока, 2006. – 23 с.
2. Γαλανάκη Ρέα. Ο βίος του Ισμαήλ Φερίκ πασά / Ρέα Γαλανάκη. – Αθήνα : Άγρα, 2000. – 203 σ.
3. Δέδε Μιχαήλ. Δημοτικά Τραγούδια / Μιχαήλ Δέδε. – Αθήνα : Μπογιάτη, 1994. – 245 σ.
4. Δεμερτζής Κ. Π. Παραμύθια της Σμύρνης / Κ. Π. Δεμερτζής. – Αθήνα : Πατάκη, 1987. – 137 σ.
5. Δούκα Μάρω. Τα μάυρα λουτρίνια / Μάρω Δούκα. – Αθήνα : Πατάκη, 2006. – 201 σ.
6. Δούκα Μάρω. Αθώοι και φταίχτες / Μάρω Δούκα. – Αθήνα : Κέδρος, 2004. – 586 σ.
7. Δρίτσα Ιωάννα. Οι σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων μετά την απόβαση του Ελληνικού Στόλου στη Σμύρνη τον Μάιο του 1919 / Δρίτσα Ιωάννα. – Θεσσαλονίκη : Α.Π.Θ/Α. Ε. Μ., Ιούνιος 1999. – 34 σ.
8. Ιορδανίδου Μαρία. Λωξάντρα / Μαρία Ιορδανίδου. – Αθήνα : Βιβλιοπωλείο της Εστίας, 1963. – 247 σ.
9. Κείμενα Νεοελληνικής λογοτεχνίας : σε 3 τόμους / Επιμ. έκδοσης Πολυτίμη Γκέκα. – Αθήνα : Οργανισμός εκδόσεως διδασκτικών βιβλίων, 2003. – Τ. 3. – Σ. 35-37.